

Полина Раевская

Между строк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Р16

Р16 **Раевская П.**
Между строк / Полина Раевская – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2026. – 374 с.

ISBN 978-5-524-00750-6

Писать в армию незнакомому парню от лица его возлюбленной? Легко!
Без памяти влюбиться в этого парня по переписке? Проще простого! Но что
делать, когда он вернется из армии и узнает правду? Сможет ли он простить
или его ненависть сожжет все дотла, прежде, чем он поймет, что иногда любовь
рождается задолго до встречи, где-то между строк, идущих от сердца.

< самостоятельная история цикла >

ISBN 978-5-524-00750-6

© Lennex Corp, 2026
© П. Раевская, 2026

Полина Раевская

МЕЖДУ СТРОК

УДК 82-3
ББК 84
Р16

Р16 **Раевская П.**
Между строк / Полина Раевская – М.: Литнет, 2026. – 374 с.

ISBN 978-5-524-00750-6

Писать в армию незнакомому парню от лица его возлюбленной? Легко! Без памяти влюбиться в этого парня по переписке? Проще простого! Но что делать, когда он вернется из армии и узнает правду? Сможет ли он простить или его ненависть сожжет все дотла, прежде, чем он поймет, что иногда любовь рождается задолго до встречи, где-то между строк, идущих от сердца.

< самостоятельная история цикла >

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00750-6

© Литнет, 2026
© П. Раевская, 2026

Пролог

– Мне нужны мои письма, – цедит сквозь зубы, сверля её тяжелым, пронизывающим насквозь взглядом.

У Алёнки внутри всё сворачивается жгутом, дыхание перехватывает, и слова застывают на кончике языка.

Да и что сказать? Глазкова не знает, смотрит испуганно в любимые глаза и от растерянности даже дышать не может.

Шувалов же, недолго думая, отодвигает её в сторону и бесцеремонно проходит в квартиру. У Алёнки сердце обрывается от прикосновения его горячих ладоней к плечам. Пока она приходит в себя, он безошибочно определяет её комнату и, войдя, с ходу начинает переворачивать всё вверх дном. На пол летят тетради, учебники, серёжки, браслеты, помады, тени, кофты...

Глазкова смотрит на эту вакханалию и от шока не может с места сдвинуться. Однако, когда Боря открывает шкаф с её нижним бельем, внутри что-то щёлкает. Кровь вскипает от возмущения, смущения и еще тысячи диких эмоций.

– Шувалов, ты охренел? – вскричав, подбегает она к нему и, задыхаясь от стыда, выхватывает из его рук стопку трусиков, которые тут же разлетаются разноцветным конфетти по полу. – Ты совсем больной?! Что ты творишь? Это моё нижнее бельё, придурок!

– Да что ты?! А это моя жизнь! – отыскав заветную стопку писем, припечатывает Шувалов.

И Алёнке нечем крыть. Сравнение не в бровь, а в глаз. Вот только теперь это и её жизнь тоже, и Глазкова ни за что не позволит просто взять и забрать её. Поэтому преграждает Шувалову путь и, вырывав из его рук перевязанную пачку, прячет за спину.

Боря бледнеет от гнева и начинает медленно надвигаться на неё, отчего у Алёнки сердце ухает вниз.

– Сейчас придут мои родители, – предупреждает она дрожащим голосом, пятясь от него к стене.

– Мне плевать, кто там у тебя придёт. Живо отдала мне мои письма, иначе я за себя не ручаюсь! – рычит он, загоня её в угол.

Алёнка упрямо качает головой, хоть и понимает, что это бесполезно. Ей не справиться с этой горой мышц и тоннами звериной злобы, но она всё равно готова насмерть отстаивать то небольшое, что осталось от её самых счастливых дней.

1

Май. Середина 90-х

– Поросенок эдакий! Все собрались, столько всего приготовила, а он шляется где-то. Ну, я ему устрою, пусть появится! – взрывается Шувалова Любовь Геннадьевна, с демонстративным стуком отставляя от себя опустевшую рюмку.

– Любаня, не горячись! – скомандовав, наполняет глава семьи бокалы гостей для очередного захода.

– Толя! Частишь, – цыкает она, грозно взглянув на бутылку в руках мужа, но он делает вид, что не слышит и спешит включиться в разговор сидящих напротив родственников. В другое время Любовь Геннадьевна бы хорошенько пропесочила Анатолия Николаевича, чтоб не наглел, но в этот вечер все ее мысли исключительно о «поросенке эдаком» – то бишь единственном и любимом сыне.

– Вот где он есть? – продолжает она возмущаться. – И крестник туда же... Ой, как бы не натворили чего!

– Любка, прекращай! Придут, куда денутся?! – обрывает ее причитания лучшая подруга и по совместительству мать крестничка – Гладышева Вера Эдуардовна.

– Ну, правда, Любань, извелась уж вся, – поддакивает Анатолий Николаевич, о чем тут же жалеет.

– Да что ты говоришь?! – заводится на полную катушку жена. – Я – мать! Как мне не известись-то? Два года ребенок неизвестно, как и с кем там будет. Еще, не дай бог, под дедовщину попадет!

Грозное слово прогремело над праздничным столом, словно выстрел, привлекая внимание гостей к разговору хозяев дома. Естественно, никто не смог пропустить такую тему. Будто охотничьи собаки, гости с небывалым энтузиазмом набрасываются на подстреленную дичь. Галдешь поднимается, как на базаре в выходной день.

Казалось, каждый считает своим чуть ли не долгом высказаться по поводу армейской дедовщины и непременно пересказать одну из тех ужасных историй, случившуюся где-то с каким-то братом знакомого чьего-то знакомого. Через полчаса подобных рассказов Любовь Геннадьевна, хватаясь за сердце, костерит мужа на чем свет за то, что отговорил ее последовать примеру кумы и отмазать сына от армии.

– Еще чего! – грозно бахает по столу уже изрядно подвыпивший Анатолий Николаевич. – Чтоб мой сын за мамкиной юбкой прятался?

– Толя, это ты на что сейчас, дорогой, намекаешь? – взвизгивает кума, раздраженно смахнув со лба пшеничный локон, выбившийся из пышной укладки.

– Правда, ты че несешь-то, совсем уже что ли? – набрасывается следом Любовь Геннадьевна.

– Да ни на что я не намекаю! – возмущенно открещивается Анатолий Николаевич. – Намеки еще какие-то выдумали. Я если говорю что-то, так прямо, без ужимок!

– Ну, так говори, – продолжает напирать кума.

– Да угомонись ты, Верка, с чего бы я на Олежку бочку гнал? Хоть бы постыдилась! – не выдержав, гневно парирует мужчина.

– Ладно, разбушевался тоже, – немного смутившись, примириительно произносит она. – Просто ты так сказал...

– Ну, ляпнул с дуру, что теперь? – перебивает он ее.

– А у тебя вечно – с дуру ляпаешь, а потом люди не знают, что думать, – ворчит Любовь Геннадьевна.

– Да ну вас, на хер! – отмахивается Анатолий Николаевич и наполняет бокалы коньяком. – Давайте, лучше выпьем.

– Вот! У тебя одна только забота, а что там с сыном будет – до фонаря, – резюмирует Шувалова и с тяжелом вздохом делает глоток коньяка. Муж и подруга заговорчески переглянувшись, едва сдерживают улыбки.

– Мне, как раз-таки, не до фонаря, – поморщившись, закусывает Анатолий Николаевич коньяк лимоном. – Сейчас в стране бардачище: ни работы, ни денег, так что пусть лучше в армию идет. Всё хоть при деле будет, а то либо сопьется, либо залезет куда-нибудь не туда.

– Он что, по-твоему, совсем дурак? – возмущенно отзывается Любовь Геннадьевна, попутно отвечая кивком на чей-то вопрос с другого конца стола.

– Не дурак, но дурень еще тот, – заключает супруг, вызывая у жены приступ праведного негодования. Что это еще за сомнительный эвфемизм в адрес ненаглядного ребенка?

– Хорошего же ты мнения о сыне, – хмыкает меж тем Вера Эдуардовна, смакуя канапе с оливками и сыром.

– Да все дурни в восемнадцать лет. Наш вон, лучше что ли? – присоединяется к беседе муж Веры Эдуардовны – Александр Степанович.

– Да это понятно, Санёк, все чудят. Разница в том, что ваш – хитрожопый засранец, котелок у него варит дай бог. А наш – простой, как сибирский валенок, поэтому пусть служит. Там дисциплина, порядок и харчи дармовый. Два года пролетят, не заметит, зато повзрослеет чуток, перебесится, мозги на место встанут, – подытоживает Анатолий Николаевич.

– О, как! Поняла, кума, у него, оказывается, все просчитано, – усмехается Любовь Геннадьевна, ткнув подругу под бочок.

– Не говори, – смеется Вера Эдуардовна. – Я в шоке, Люба, сын-то у меня хитрожопый засранец.

– А что? Не так что ли? – уточняет Александр Степанович. – Он у тебя без мыла везде пролезет.

– Что значит «у тебя»? – возмущенно взлетает бровь Веры Эдуардовны.

– Ну, так твоя порода, – хмыкает ее супруг.

И словно в подтверждение его слов дверь открывается, и на пороге появляется высокий, светловолосый парень с белозубой улыбкой матери и глазами такого же удивительного лазурного цвета, что не оставляет сомнений, чей это отпрыск.

– О, явился красавЕц наш! – воскликнув, расплывается Любовь Геннадьевна в довольной улыбке при виде крестника.

КрасавЕц меж тем, быстро оглянувшись, оценивает обстановку и махает кому-то за спиной, указывая на свободные места за столом. В гостиную входят вызывающе – одетая девица и два парня.

Тощий шатен со взъерошенными волосами, не успев сесть за стол, тут же наваливает себе полную тарелку салата и принимается энергично жевать, не обращая ни на кого внимания, брюнет же напротив – медлительный, даже заторможенный. Кое-как усевшись, он откидывается на спинку стула и, закрыв глаза, будто отключается. Размалеванная девица начинает суетиться вокруг него, что-то говоря, но он, даже не шелохнувшись, продолжает сидеть, приоткрыв рот.

От созерцания столь странной картины у хозяев дома и их друзей вытягиваются лица.

– А это что за... чудики с ним? – озвучивает Александр Степанович общую мысль, переведя на жену недоуменный взгляд.

– Что ты сразу с меня спрашиваешь? – в который раз отвечает она ему возмущенно.

– Ну, ты же все шушукаешься с сынком да покрываешь его делишки, – язвительно парирует он, на что Вера Эдуардовна фыркает и, закатив глаза, раздраженно отмахивается.

– Оголодавший – это Мишка Антропов, – поясняет Любовь Геннадьевна, приглядевшись к парнишке, сметающему содержимое тарелки с такой скоростью, словно за ним с собаками гонятся.

– А чей он? Первый раз его вижу, – хмурится Вера Эдуардовна, привыкшая быть в курсе всех событий.

– Интернатовский, наши в футбол играют у них на коробке.

– А-а, вон оно что, – тянет Гладышева и, поймав взгляд сына, манит его пальчиком. Он же, почувствовав, что запахло жареным, тут же врубает обаяние на полную мощность, одаривая женщин сногшибательной улыбкой.

– Ну, здравствуй, крестничек. Где же тебя носит? – сердечно расцеловав его, укоризненно качает головой Шувалова.

– Сынок, почему так долго? – вторит ей Вера Эдуардовна, приобняв сына. Он же, быстро клюнув ее в щеку, спешит поздороваться с отцом и крестным, делая вид, что не слышит женских причитаний. Но мать и крестная не собираются так просто сдаваться, и как только с приветствиями покончено, начинают допрос по всей форме.

– А где дружок твой? – сразу же спрашивает Любовь Геннадьевна.

– Придет скоро, – неопределенно отмахивается Олег и с преувеличенным интересом оглядывает стол в поисках, чего бы съесть.

– Откуда он придет? – продолжает наседавать Шувалова, неудовлетворенная таким ответом.

– С пацанами вроде с борьбы должен был встретиться, – не глядя, рапортует крестник и, определившись с блюдом, протягивает сидящей неподалеку сестре тарелку, указывая, что ему положить.

– С ними он вчера встречался, – уличает Любовь Геннадьевна, прекрасно зная, что крестник придумает, что угодно, лишь бы выгородить друга. – А сегодня он где есть? Опять у этой... шалогушки?

– Люба, чего ты привязалась к пацану?! Сказал, придет скоро твой оболтус – значит придет. Дай парню спокойно поесть, – вклинивается Анатолий Николаевич и, подмигнув крестнику, наполняет рюмки.

– Ну, ты еще давай, выгораживай своего неблагодарного сынка.

– Вот заладила-то! Пусть погуляет пацан, два года – это тебе не шутки, – качает головой Шувалов и протягивает жене рюмку. – На, пригуби лучше пару грамм, может, отпустит.

– Ага, а мне потом его «гулянья» нянчить, – бурчит Любовь Геннадьевна, вызывая у крестника усмешку.

– А ты чего ухмыляешься? – поддевает его мать.

– А я что? – пожимает он плечами. – Я вообще не при делах: ничего не знаю, ни с кем не гуляю, идеальный сын.

– Ну-ну, – иронизирует Александр Степанович и, помедлив, интересуется. – Ты лучше расскажи, что это за товарищи с тобой.

– Вот, кстати, да, – поддерживает Вера Эдуардовна мужа. – Что это за шобла – ёбла?

– Мама, как не красиво, – насмешливо цокает Олег.

– Ну, извините, а как это еще назвать? – фыркает Гладышева, кивнув в сторону завалившегося на бок брюнета с открытым ртом. – Что с ним? Он пьяный что ли?

– Не, он зависает, мам.

– В смысле? Где «зависает»?

– В антигравитационном пространстве.

– Чего?

– Ну, он этот... – с несвойственной ему нерешительностью мнется Олег.

– Кто? – насторожившись, подается Вера Эдуардовна ближе к сыну.

– Космонавт, – шепчет он со всей серьезностью и торжественностью, вызывая у матери шок и недоумение, а у отца, наблюдающего за этим цирком, смех.

– Ах, ты ж паразит! Издевается над матерью! – сообразив, что к чему, отвечает Вера Эдуардовна хохочущему шутнику легкий подзатыльник.

– Ну, ладно, мам, не злись, шучу, – увернувшись от материнской руки, примирительно произносит Олег.

– Я не злюсь, я беспокоюсь. Ты поди тоже... «космонавтишь» с ним за компанию?

– Увы, мамуль, космонавт из меня никакой, вестибулярный аппарат слабоват, – подмигнув, поднимается парень из-за стола, давая понять, что допрос окончен.

– Олег, мне совершенно не нравится это окружение, – строго сообщает Вера Эдуардовна.

– Мне тоже, мамуль, но что поделать? – притворно вздыхает сын и направляется к размалеванной девице. Вера Эдуардовна же, качая головой, переводит беспомощный взгляд на мужа.